

АЛЕКСАНДР ЩЕДРИНСКИЙ

ВЕК СДАЁТ ЭКЗАМЕН НА ОТЛИЧНО

и сердце не бьётся так часто. оно – метроном.
оно – циферблат, механизм перегона времён.
я будто в границах людей заблудившийся гном,
что ищет, зачем в этот хаос он определён.
так просто молчать, если слов не осталось совсем.
один только крик, да и тот замолкает внутри.
я собран из множества старых фонем и лексем,
но проще ли мне об ушедшей любви говорить?
глядит из-за стёкол какая-то вышка, и дым
вовсю развевается выдохом дней сентября.
надеюсь, тебе повезло быть любимой другим:
кому-то из двух ведь должно повезти, говорят.

как было раньше – всё на свете праздник.
на дачу собираешься с роднёй,
где на столе – разгул многообразья:
от скумбрии до раточки свиной.
и кажется, что детство бесконечно,
хотя тебе и больше двадцати.
и фонари стоят, как будто свечки,
и с дочерью знакомых по пути.
так, мир в глазах торжественно двоится,
в котором зарождается любовь.
и голубь на дороге, как жар-птица,
безмолвно беседует с тобой.
а с нею вы нетронуты, и руки
ты у её двери мнёшь, как чудак.
и – да – она целует, сердца стуки
переводя в искру на проводах.
назад ты возвращаешься обычно,
но что-то изменилось (хлынул дождь),
о чём болтать с роднею неприлично,
но от чего с улыбкою уснёшь.

пора уезжать. нет скребущего чувства внутри.
чем ближе подходишь к событию, тем оно ближе
уже к констатации, чем к отражению витрин
мечты или цели о всяких далёких парижках.
нет, знаешь, куда. и фактически знаешь, зачем,
и только не знаешь, во сколько, но это — детали.
так видишь: уснёт кто-то милый на правом плече
твоём, пока будет автобус исследовать дали.
а после и сам ты уснёшь, ибо путь — не часок.
приснится всё то, что ты знаешь из свежих буклетов.
тебе подадут печенюшку и яблочный сок,
вовсю завлекая на родину новых сюжетов.
оно хорошо, ибо едешь без жалости об
отпетом, несделанном. едешь — поскольку так нужно.
и нужно без чувства потери, истерики, в лоб
себе признаваясь, что вечна одна только дружба.

Быть больше криков за окном,
Хранить свой дом.
Быть куполом, покрытым льдом,
В миру хмельном.

Пока воюют и кричат —
Молчать, молчать.
Седьмая Отчая печать
Должна начать...

Должна закончить, а пока —
Хоть дым с полка.
Пока легка Его рука
Для дурака,

Дыши, младенец земляной,
Расти с травой.
Придут, как бы к себе домой,
К тебе домой.

Расти, вытягивайся вглубь
Господних труб.
Как вострубят в сто сотен губ —
Там труп, здесь труп —

Восстанет. Только всё потом.
А ты при том
На скатерть брошенный вальтом
Храни свой дом.

Убереги, чтоб не ступить во тьму.
Об этом лишь прощу: убереги.
Я гору передвину, подниму,
Лишь ты побереги и помоги.

Я всё смогу, я вытерплю, спасу
Кого-нибудь, кто будет на пути.
Лишь помоги, побереги, на суд
Позволь к тебе раскаянным прийти.
Я сделаю, что нужно. Я в долгу
У мира не останусь, я – весь твой.
И, может, я кого-то сберегу
Для бесконечной участи благой.

отгородиться от: тюрьмы, сумы,
войны и мира, тошного пространства.
настроить электронные умы
на частоту лечения как пьянства.
всё. у меня сейчас двадцатый век.
конец. ещё в народе правит ельцин.
и дабы не зажмуривать мне век,
я повышаю свой походный цельсий.
друзья сидят, поют бластную хрень,
но нет мне их теплее и роднее.
и я, как будто северный олень,
киваю им и ем с руки хорен.
они все сочиняют по чуть-чуть –
пусть этого зарежут у подъезда,
другой себе трубой проломит грудь,
а третий улетит в страну сиесты.
но мы сейчас – единое. одно.
мы от всего в себе отгородились.
а за окном – то самое кино:
авоськи, кабаки, мальцы на стиле.
поэты провожают старый век,
всё отпуская шутки и привычки,
и рюмки направляют строго вверх –
ведь век сдаёт экзамен на отлично.

когда-нибудь я, верно, замолчу,
когда совсем тоски своей избегну.
пластинку в граммофоне закручу,
заколотив сферическую бездну,
в которой столько лет жил до того.
и женщина, что будет рядом, скажет,
что скоро в мире справят рождество
и нужно бы прибрать жилище наше.

и я скажу: «да, милая, да, ми...» –
и ветер лишь подхватит окончанье,
запечатлев в какой-то ноте «ми»
мое неподцензурное звучанье.
звучание простого старика,
что прожил жизнь и нажил дом и внуков
(они приедут вновь издалека,
войдя без предварительного стука).

впервые, может, будет тишина
и в голове, и в кухне, и снаружи.
откупорив тогда бутылъ вина,
пойму: оно всегда нам греет души,
хоть кажется, так холоден январь.
тепло вина теплей случайных девок.
теплей, когда какой-то пономарь
кайфует от спасительных напевов.

впервые сердце ровно застучит,
лишённое до сей поры покоя.
покажется, что лишь ручей журчит,
и птица долбит в дерево нагое.
но вдруг – удар. и снова рѣв грозы,
и наплевать на женушку и внуков.
придут стихи – тревожнее в разы,
чтоб выдавить опять охапку звуков.

и – подчинюсь. иначе – никуда.
возьмусь писать, ответив «хорошо, я –
всё сделаю, таланта и труда
не пожалев на детище большое».
и, словно юный, сяду, погрущу
у тёмных, всё видавших в жизни окон.
и руку в свои кудри запущу,
зарывшись в одеяло, словно в кокон.

не то чтоб время не стирало нас
в потусторонней памяти зеркальной.
стоящий у окна ночной анфас,
нависший силуэт над нами в спальне.
оно уходит. словно крик в ночи.
но только перед тем, как исказиться,
скользнет в карман, заденет там ключи
и в стенах, словно мячик, отразится.
ну а потом – слова, что конденсат,
над городом рассеются, чтоб в мае
дождями возвратиться к нам назад,
пока ты едешь в утреннем трамвае.
я, верно, позабыл слова любви.
все чаще я считаю пульс и деньги.
мир сотворен у бога на крови,
и с этим ничего, увы, не сделать.
но все же смерть – кончина суеты,
земли с луною треснувшие блюда.
а то, что трубку там берешь не ты, –
отличный повод лечь и не проснуться.

и всё не то. не те. не та. не ты.
и потолок навис, как над атлантом
беззвездный купол. в мире суеты
я проклят одиночеством, талантом

и безмятежной памятью конца,
что в оба направленья соразмерен.
но в маске площадного наглеца
мой быт не так удушлив, наг и скверен.
два стула, стол – вот шахматный мотив
среди доски седых многоэтажек.
и он, поджав колени, супротив
меня сидит, пытая саквожаем –
надолго ли я здесь. я? навсегда,
что чем-то с «никогда» предельно схоже.
и вижу – не слюна течёт – слюда
по белой и потрескавшейся коже.
я – мрамор. просто древнее ничто,
из коего отсечена ненужность.
и я твержу – не ты. не та. не то,
и внутренность не та, не та наружность.
замкнёшься в этом кубике творца,
погасишь свет, как доктора в родильне,
когда младенец льнёт к рукам отца,
как будто наши вправду победили.
а победят ли – не вопрос, а знак
вопроса – он изогнут, как в гортани
крючок, на коем рыба – хоть и рак
сойдёт за тех, кого у нас глотали.
кого мололи и бросали в пыль,
для иудеев – мучили камнями,
для наших – среди коих я там был –
стращали крестоносными тенями.
всем по родству и всем по пятаку –
так, все довольны. сброшена тревога.
ведь всё и так случилось на веку:
бог погубил содом, а люди – бога.

не доверяй себе, прислушивайся к Слову,
в тебе – всегда обман, и сам ты – только грех.
всё то, что есть твоё, первичная основа –
замусоренность, мрак, потерянность от всех.
не верь своим глазам, они всегда незрячи,
есть Дух, и только Он, к нему и подвжись.
и с мнением своим – уверенным, собачьим,
с обычной простотой от Истины смиришь.
не будет ничего правдивого на свете,
что в чувствах родилось и выпущено в мир.
есть только чистота в знакомом Силуэте,
и в Имени Его поверженный кумир.